

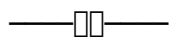
Плечо Фэн Ся зажило довольно быстро. Хотя рана выглядела глубокой и страшной, меч не повредил кость и уже через месяц на месте пронзённой кожи растянулся рубец, розовый и лоснящийся, он выглядел как лепесток чайной камелии — разница с цветом кожи Фэн Ся, более смуглой, обласканной жарким пустынным солнцем, делала его чужеродным. Всякий раз, когда Бай Лао видел его, странно кололо кончики пальцев в желании просто смахнуть это лишнее напоминание о чужой боли и пустить по ветру.

С ночи, когда Бай Лао обманом пробрался во дворец, прошло не так уж много времени, но самому Бай Лао казалось, будто целая вечность. Так всегда бывает, когда ты ребёнок — каждый новый день приносит новые события и впечатления и даже то, что произошло вчера начинает казаться безмерно далёким. Но как бы то ни было, каким бы далёким не казалось произошедшее, воспоминания отчего-то не тускнели день ото дня — в ту ночь на коже Фэн Ся ещё не проявился лепесток чайной камелии, но в душе Бай Лао уже зародился её бутон.

Приняв отвар, Фэн Ся быстро погрузился в сон. На столике возле кровати раскачивалось пламя свечи и кожа Фэн Ся в его свете казалась позолочёной; тени подрагивавших ресниц струились по острым скулам потёками чёрной туши. От потери крови сухие изломы легли узорчатой сетью на губы — завтра они разойдутся болезненными трещинами, попытайся Фэн Ся хотя бы немного улыбнуться. Бай Лао задумался — на самом деле, второй молодой господин улыбался редко, словно это не было чем-то дозволенным в его положении. Усмешка — да, но не улыбка. Будто это было роскошью, драгоценностью для особых случаев. Взяв свечу со столика, Бай Лао направился к шкафу у стены — он не собирался рыться в чужих вещах, ему нужно было найти всего один маленький пузатый бутылёк, содержимое которого сладко пахло абрикосовыми косточками и лоснилось на кончиках пальцев жидким солнечным светом — Бай Лао часто использовал такие масла, когда расчёсывал волосы Чуньшен, но сама она говорила, что и для кожи они хорошо подходят.

Слуге не позволялось касаться своего господина так, как он собирался, но дыхание Фэн Ся было ровным и глубоким — он пребывал в спокойном целительном сне и ничто не могло его нарушить. Подушечка указательного пальца обвела изгиб верхней губы, от уголка одним мазком скользнула по нижней, поймала тепло чужого вздоха — в тусклом свете свечи губы Фэн Ся, блестящие от масла, стали похожи на ту самую вишню в карамели, которую он так любил. Странно, но в этот момент Бай Лао не чувствовал ни стыда, ни смущения за свой абсолютно непозволительный поступок. Действие могло выглядеть слишком интимно в глазах любого, кто стал бы ему свидетелем, но для Бай Лао оно было другим — если улыбка для Фэн Ся была драгоценностью, которую нужно хранить, Бай Лао может помочь ему в этом.

Небо давно укрылось ночной звёздной вуалью, и Бай Лао очень хотелось остаться. Сесть на колени перед кроватью и смотреть на танец теней на позолоте чужой кожи, уместив голову на сложенных руках, пока сон не возьмёт своё. Но стража итак чудом его пропустила, нельзя было рисковать раскрытием его дерзкого обмана. Задув свечу, он поспешил покинуть покои.

Ночью во дворце было тихо. Слуги начинали работу с первыми лучами солнца и сон для них был на вес золота, как и покой княжеской семьи — казалось, в такой тишине стража без труда услышит даже тончайший писк комара. Бай Лао весь сжался и принялся ступать на мысочках, чтобы эхо его шагов не звучало так громко. По мере приближения к выходу тревожность усилилась — слух Бай Лао был острее человеческого и легко уловил отголоски приглушённых разговоров.

— Мой ученик? — Цин Юань звучала озадаченно и сердце Бай Лао пропустило удар — в этот

самый момент его ложное прикрытие трещало по швам. Нужно было поторопиться, если он хотел сохранить голову на плечах. А он очень хотел.

— Тот ребёнок, живущий в гареме, — голос стражника заглушился звоном медных доспехов, видимо он нервничал, переступая с ноги на ногу, — он сказал, вы поручили ему доставить лекарство. Стоит ли нам...

Цин Юань не была женщиной, которую можно легко смутить или сбить с толку. Годы жизни во дворце научили её невозмутимости даже в ситуациях заведомо проигрышных. Благоволение князя и репутация, пугающая любого стражника, давали ей некоторое пространство для манёвра. Она глубоко вздохнула и начала осматриваться по сторонам, медленно, не так, словно она действительно кого-то искала, а так, будто сама Императрица осматривает толпу с высокой террасы.

— Сегодняшний день совсем лишил меня сил... — покачав головой, печально сказала она.

Цин Юань не имела ни малейшего понятия о происходящем, но блефовать она умела блестяще.

— ...должно быть, я...

Бай Лао, бежавший последние пару минут, появился раньше, чем она успела закончить фразу.

— Прошу прощения, госпожа! В темноте я потерял вас и немного заблудился.

Цин Юань опустила на него взгляд — запыхавшийся, он стоял в поклоне, не решаясь поднять головы и прижимал к груди пузатый глиняный сосуд с деревянной пробкой, неловко переминаясь. На одежде засохшие земляные пятна от работы в саду, растрёпанные волосы — и как только ума хватило явится во дворец в таком виде, да ещё и каким-то образом провести стражу? Положив руку ему на макушку, она усмехнулась.

— Дворцовые коридоры и правда запутанны. Особенно ночью. В следующий раз не отставай.

Цин Юань потребовались годы и заклинательское мастерство, чтобы крутить людьми, как ей вздумается. Бай Лао с лёгкостью освоил это искусство за пару лет, и как бы сильно её это ни злило, не восхититься было невозможно.

Бай Лао выдохнул — обман не раскрылся и, кажется, всё разрешилось благополучно. Но, подняв глаза на Цин Юань, он испытал странный ужас — улыбка, обращённая ему, заставляла холодеть кончики пальцев — острый кинжал под невесомой вуалью. Ладонь Цин Юань незаметно для стражников медленно сжалась в кулак на его затылке, больно натянув волосы.

— Идём, лисёнок. Мы спешим.

Цин Юань не проронила ни слова, пока внутренний двор дворца не остался позади и взгляды сбитых с толку стражников больше не прожигали им спины. Бай Лао спешно семенил позади, всё также прижимая к груди сосуд, жидкость в котором слишком громко булькала в ночной тишине при каждом шаге. Спина Цин Юань, казалось, напрягалась всё сильнее от каждого глухого удара отвара о глиняные стенки, и Бай Лао тщетно пытался перехватить сосуд как-нибудь так, чтобы звук прекратился. Но бульканье всё продолжалось и Бай Лао хотелось либо убежать, сверкая пятками, и никогда больше не покидать покои Чуньшен, либо замереть на месте и разрыдаться. В конце концов этот день тоже был для него не из лёгких.

И пусть рана Фэн Ся оказалась не смертельной, испуг от только что услышанной новости,

всплыл в воспоминаниях Бай Лао с новой силой — мерзкий, зловонный — так всплывает на поверхность воды гнилой раздутый утопленник. Ноги остановились сами собой. Но и идти уже было некуда — ароматный сад вокруг цзинши[1] Цин Юань заботливо укрыл их от посторонних глаз. Бай Лао, наверное, так бы и простоял там остаток ночи в оцепенении, если бы обжигающая щёку пощёчина не вернула его в реальность.

Цин Юань злилась. Но злость её не была громкой — шорох широких расшитых серебром рукавов, лёгкий звон украшений в волосах и один единственный, более шумный, чем все остальные протяжный вздох. Бай Лао поднял на неё глаза — два чёрных как ночное небо нефрита смотрели на него осуждающе. После пощёчины плечи Цин Юань расслабились, словно напряжённая струна наконец лопнула, штормовая волна отступила от берега. Щека горела изнутри, словно в рот Бай Лао натолкали раскалённых углей. Силуэт Цин Юань размылся отражением на потревоженной водной глади и Бай Лао не сразу понял, что это из-за слёз. Они катились по лицу так быстро, будто удар чужой руки отбросил камень, перекрывавший водопад. И казалось никакая сила не могла их остановить.

— Самонадеянность, — прошипела она ядовитой коброй перед броском, — худшая черта, которой ты мог бы обзавестись. Не в твоём положении уж точно.

Забрав из ослабевших детских рук пузатый глиняный сосуд и осторожно откупорив пробку, она принялась к травянистой горечи, поплывшей в прохладе ночного воздуха. Слёзы всё продолжали катиться по зарумянившимся щекам Бай Лао — не от боли или обиды за хлётскую пощёчину, но от страха и тяжёлой усталости — он утирал их пыльным рукавом и так жадно глотал воздух, словно вот-вот задохнётся. Зрелище было жалким, но Цин Юань мало интересовала его истерика. Закончив изучать аромат, она вылила немного отвара на ладонь, покатила по коже, растёрла пальцами — в холодном свете звёзд жидкость казалась золотой. Бай Лао едва смог удержаться на ногах, когда она тихо хмыкнула, стряхнув остатки влаги на пыльную землю.

— Сегодня, лисёнок, тебе повезло. Но не стоит злоупотреблять своей удачей.

Шорох развевающихся на ветру широких рукавов показался Бай Лао оглушающе громким, когда Цин Юань медленно обошла его, направляясь к цзинши. На мгновение она задержалась и, положив ладонь на взъерошенную детскую макушку, глубоко вздохнула.

— Какое-то время мне нужно будет регулярно посещать дворец. Завтра в хай-ши[2]. А сейчас отправляйся спать, твоя Чуньшен-ньюйши, должно быть, места себе не находит.

Истерика, сковавшая Бай Лао по рукам и ногам, постепенно расслабляла свои когтистые лапы, дышать становилось легче, слёзы высохли, стянув щёки солёной коркой. Бай Лао звонко шмыгнул носом, зачем-то закивал головой, хотя Цин Юань даже на него не смотрела. За свой поступок он заслуживал наказания, причём весьма сурового, но жизнь в который раз обходилась с ним гораздо мягче ожидаемого.

— Этот никчёмный, — едва слышно отозвался он, глотая вздохи. Говорить было сложно — пересохшее горло саднило, язык едва слушался — и хотя Бай Лао знал, что его извинения сейчас уже не имели смысла, он знал, что должен это сделать.

Цин Юань погладила его по голове. Ладонь её была тёплой, а движение мягким, но странным образом оно не ощущалось заботливым, как если бы принадлежало Чуньшен. В Цин Юань будто бы совсем не было той материнской энергии, что пробуждалась во многих женщинах при виде плачущего ребёнка.

— Избавь меня от этих бессмысленных унижений. Я сыта ими по горло.

И с дуновением прохладного ветра, долетевшего с просторов ночной пустыни, она оставила Бай Лао посреди шелеста благоухающего сада. И он стоял там, одинокий и брошенный, и лишь голубоватый серп луны, словно насмехаясь, скалился ему из-за облаков.

В назначенный час следующего дня Бай Лао послушно ждал Цин Юань на пороге её цзинши. Не решаясь войти внутрь, он неуверенно теребил край светлой рубахи, а потом, опомнившись, начинал нервно разглаживать складки — Цин Юань, всегда безупречная, особенно во время визитов во дворец, наверняка, не останется довольна его неопрятностью. Вернувшись в покои Чуньшен, Бай Лао переживал, что остаток ночи так и не сможет сомкнуть глаз, но к его удивлению, спал он глубоким сном без сновидений, а с утра чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Весь день он провёл в компании своей нюйши — прекрасный день, полный жаркого пустынного солнца, улыбок и причудливых чернильных клякс во время занятий каллиграфией. Гарем, хоть и находился под крылом дворца, ощущался будто бы другим миром — в нём, изолированном и закрытом, не было ни уютно, ни комфортно, но слухи о серьёзных происшествиях всё-таки не так быстро до него доходили. Другое дело, что, задержавшись по пути, они обычно обрастали ещё более страшными и небывалыми деталями, но в какой-то степени это было даже забавно. Поэтому Чуньшен лишь удивлённо повела бровью, когда Бай Лао показался на пороге покоев весь чумазый и растрёпанный, но большого значения этому не придавала — в конце концов, он был необычным, но ребёнком, а детям свойственно иногда вводить взрослых в замешательство.

Но время неизбежно близилось к вечеру, наступая на пятки, как бесшумный хищник, выслеживающий добычу. И тревога вчерашнего дня неприятно свернулась комком вязкой слюны прямо в горле.

В памяти всплыли повязки, окрашенные багровым; янтарь глаз, потемневший от усталости и боли. Как сегодня чувствовал себя сяньшен? Сильно ли болела его рана? Хватило ли действия отвара на целую ночь? За всеми эти вопросами Бай Лао даже не заметил, как, тихо скрипнув, отворилась дверь и Цин Юань оказалась прямо перед ним — прямая спина, ни одной складки на одежде — безупречная как и всегда. Фантомное жжение вчерашней пощёчины опалило щёку Бай Лао и он сжался, не зная, как стоит себя вести. Но Цин Юань приняла решение за него: изящной ладонью огладила напряжённое плечо и, дождавшись, когда Бай Лао решится поднять на неё взгляд, улыбнулась, загадочно и утончённо, как делала это всегда — так, будто ничего и не происходило. Она протянула ему знакомый пузатый глиняный сосуд с деревянной пробкой.

— Сегодня, лисёнок, не потеряй меня из виду. Даю тебе один шичэнь.

Бай Лао поклонился, привычным жестом прижав к груди бутыль. Гулккое эхо дворцовых гонгов разлилось по округе, и Цин Юань, обойдя его, поспешила к выходу из сада. Обернувшись через плечо, она вновь улыбнулась на этот раз самыми уголками губ.

— Кажется, мы немного опаздываем. Поспешите Лао-Лао.

И больше она не сказала ни слова. В молчании они покинули сад; в молчании миновали дворцовую стражу, проводившую их привычными настороженными взглядами; в молчании она оставила его возле покоев Фэн Ся, направившись дальше. И если вчера тишина была тяжёлой, гнетущей, словно перед взрывом пороховой бочки, то сегодня она ощущалась иначе —

привычное спокойствие, почти умиротворение. Цин Юань не любила лишних слов — её языком было молчание, что громче любых разговоров.

Проводив взглядом тонкий силуэт, скрывшийся в тенях запутанных дворцовых коридоров, Бай Лао наконец почувствовал, как оковы вчерашних напряжённых событий спали с горла, рассеялись и дышать стало свободнее. Лёгкая улыбка тенью горящих свечей тронула его губы, ядовитый отвар булькнул, ударившись о глиняные стенки и Бай Лао, преисполненный странным, волнительным предвкушением, увереннее, чем обычно постучал в дверь уже хорошо известных ему покоев.

Тревога окончательно отступила, когда в янтаре встретивших его глаз кольхнувшимся пламенем свечи блеснуло радостное тепло — оно таилось в самой глубине зрачков так, что и разглядишь не сразу, но Бай Лао с каждым днём всё лучше удавалось понимать окружающих его людей. Было ли это связано с его происхождением или чем-то другим, он не знал. Но одно было ясно — когда второй молодой господин радовался встречи с ним, эта радость отчего-то была ему приятнее всех прочих.

Фэн Ся, как и вчера, полулежал на кровати, лениво блуждая глазами по какому-то свитку. Край повязки, выглядывающей из-под ночной рубашки казался окровавленным лишь слегка, что не могло не радовать. Лицо Фэн Ся всё ещё выглядело бледнее обычного и оттого волосы, обрамляющие его тонкими прядями казались в несколько раз ярче — пылающие языки пламени, дотронься — обожжешься.

— Радостно видеть вас в добром здравии, сянъшен. — Со всей учтивостью заговорил Бай Лао, поклонившись со всей грациозностью, которой его учили. На удивление, сегодня легко давались слова, а в движениях не сквозила нервная скованность. Возможно, подумал Бай Лао, вчера он потратил так много эмоций, что часть из них ещё не успела вернуться. — Я принёс отвар.

Фэн Ся покачал головой, усмехнувшись.

— Сегодня не нужно. Отвар отменный, но слишком туманит голову. Я уже принял настойку из аконита, её вполне достаточно. По правде говоря, я уже собирался спать.

Бай Лао почувствовал неловкость. По всему выходило, что его присутствие здесь совершенно бессмысленно. Цин Юань дала ему целый шичэнь, который он, судя по всему, будет вынужден провести скрываясь в тенях дворца в её ожидании. Звучало отвратительно, но едва ли у него был выбор.

— В таком случае, — голос Бай Лао звучал тихо, почти робко, — мне не стоит нарушать покой сянъшена.

Воинское воспитание Фэн Ся не позволяло ему часто смеяться, но ребёнок, стоящий перед ним, такой неловкий и несуразный, отчего-то наполнял душу беспричинной забавой.

— Разве я тебя прогоняю? Неужели, кроме отвара тебе больше нечего мне предложить?

Бай Лао встрепенулся. Ему нравилось общество Фэн Ся и хотелось бы остаться под любым предлогом. Но что он мог предложить? Он помнил, где находится кухня и чай, который он заварил однажды, кажется, понравился Фэн Ся, но едва ли это было уместно для столь позднего часа. Цин Юань учила его накладывать и менять повязки, но Фэн Ся и это сейчас не требовалось. Чуньшен иногда читала ему перед сном, но сам Бай Лао временами ещё путался в особенно сложных иероглифах и не хотел предлагать такое. Ситуация казалась почти

безвыходной, пока взгляд не зацепился за низкий прикроватный столик — рядом с горячей свечой лежал деревянный гребень. Бай Лао бегло осмотрел причёску Фэн Ся — неряшливый растрёпанный пучок на макушке, криво перетянутый тёмной атласной лентой — видимо, из-за травмы ему было сложно сделать что-то более сносное. Решение оказалось таким простым.

— Я мог бы, если сяншэн позволит, уложить ему волосы.

Однажды он уже делал это, после того страшного наказания в храме. Но тогда Фэн Ся просил его и это было правильным положением вещей. Предлагать же такое самому казалось странно непочтительным, но отчего-то Бай Лао знал, что Фэн Ся удивительным образом готов простить ему любую дерзость. Или ему просто хотелось в это верить?

Фэн Ся довольно хмыкнул. По правде говоря, на это он и рассчитывал, заранее положив гребень на видное место. Он мог просто попросить об этом сразу, но Бай Лао казался ему интересным. Было любопытно наблюдать, как хмурились его брови, как бегали глаза в попытке зацепиться за что-нибудь и решить проблему — не хотелось облегчать ему задачу. В детстве, когда Ю Линг только начал обучать его воинскому искусству, он поступал также — никакой помощи, пока Фэн Ся сам не находил решение — сложно только вначале, потом появляется то, что необходимо каждому брошенному на произвол судьбы ребёнку — уверенность и умение выживать, полагаясь только на самого себя.

— Сяншэн сочтёт это за честь.

Развернувшись на постели так, чтобы за его спиной хватило места ребёнку, Фэн Ся улыбчиво похлопал ладонью по одеялу. И если раньше Бай Лао бы непременно начал отказываться, сбивчиво принижая свой статус и своё происхождение, то сегодня он лишь кивнул, едва зарумянившись щеками в смущении.

Лента развязалась легко и огненные вихры волос лавовой лавиной скатились с затылка к плечам, укрыли спину. На ощупь они были тяжелее и жёстче волос Чуньшэн, к которым Бай Лао давно привык, и им явно не хватало ухода, что не было удивительным — Фэн Ся воин, а не гаремная девица, не стоило об этом забывать. Прежде, чем взяться за гребень Бай Лао провёл по прядям ладонями, разглаживая; поймал несколько плотных узелков, принявшись бережно распутывать их чуть отросшими острыми коготками. И если в тот, первый раз, это было неловко, то в этот — спокойно и приятно, почти умиротворяюще. Ровно до того момента, пока Фэн Ся не сказал:

— Воспользуйся тем же маслом, что ты вчера оставил на столике.

Сердце Бай Лао замерло в ужасе. Должно быть вчера он так сильно перенервничал, что забыл убрать флакон обратно на полку. Его поступок был жутко непочтителен в своей дерзости и Фэн Ся вполне мог указать ему на это, но, кажется, он даже не разозлился. В глубине души Бай Лао надеялся, что Фэн Ся не заметит — масло вполне могло впитаться или смазаться о ткань — глупые надежды, достойные несмышлёного ребёнка. Фэн Ся заметил. Фэн Ся знал. Но отчего же он не разозлился? Бай Лао захотелось провалиться сквозь землю, дрогнули пальцы, грубо порвав узелок рыжих волос.

— Простите, сяншэн, — сдавленно прошептал Бай Лао, даже не зная, за что конкретно просил извинений: за причинённую боль, за неподобающую слуге дерзость или же за своё существование в целом.

Сидя за спиной Фэн Ся, он не мог увидеть, как губы его раскрылись в улыбке, как кончик языка мазнул по их мягкому контуру.

— У него приятный аромат. Хороший выбор.

В этот вечер один шичэнь, отведённый ему Цин Юань, прошёл быстрее, чем прогарают палочка благовоний.

С того дня Бай Лао в сопровождении Цин Юань посещал дворец каждый вечер. И с каждым разом ожидание становилось всё томительнее. Кто бы мог подумать, что спустя каких-то пару лет жизни при дворце, пугающий образ воина, устроившего кровавую резню в его родной деревне, исчезнет, превратившись в юношу, без чьего общества уже с трудом представлялся день. Поначалу Бай Лао корил себя за это — допустимо ли испытывать тёплые чувства к убийце его родни? И тогда воспоминания о днях, проведённых в ветхом домишке на драной циновке, о днях, полных презрения и шпыняний накрывали его с головой — ему не хотелось вспоминать свою, так называемую, семью. Они не любили его, так почему ему нужно было о них горевать? Но ещё больше ему не хотелось вспоминать образ Фэн Ся, окружённого пламенем, перемазанного кровью, которая текла и в самом Бай Лао. Семья не любила его — это факт. Фэн Ся навсегда останется одним из тех, кто убил их — и это тоже факт. По итогу выходило, что Бай Лао не должен был испытывать тёплых чувств ни к кому из них. Так почему же у него не получалось?

Бай Лао просто не знал, что чувства невозможно подчинить долгу.

Фэн Ся был убийцей — это он знал. А ещё он знал, с какими фруктами ему больше всего нравится заваривать чай; что аромат масла из абрикосовых косточек приятен ему больше остальных; что вычурным сладостям он предпочтёт простую вишню в карамели. Фэн Ся был убийцей и Бай Лао знал, что должен ненавидеть его. Но ведь не всякое знание нужно для того, чтобы им пользоваться — иногда оно просто есть и непонятно, что с этим делать. В конце концов, между долгом и чувствами любой выбор неверен.

Фэн Ся быстро шёл на поправку — боль отступала, движения почти утратили скованность и каждый вечер, оказываясь перед дверью его покоев, Бай Лао переживал, что не найдёт его там. Что Фэн Ся вернётся в казармы, ведь он сам говорил, что они ему милее дворца. Но этого не случилось. И целый шичэнь, пролетавший за один миг, они пили поздний чай, улыбались и разговаривали, рассматривали причудливые чертежи в каких-то старых свитках. И в воздухе пахло тёплым воском горящих свечей, чайными листьями и абрикосовым маслом. За закрытыми дверями покоев заканчивался мир запутанной человеческой истории, кровопролитных войн, тёмных интриг и начинался новый, пока ещё хрупкий и очень туманный.

И мир этот мог принять любую форму. Но лишь в пределах одной небольшой комнаты. Прямо как игра в танграм[3], которую в один из вечеров предложил Фэн Ся. Бай Лао тогда долго смотрел на разбросанные по полу дощечки, не понимая, что вообще с ними делать, а потом они вдруг сложились в птицу и это было настолько же прекрасно, насколько печально — крылатое существо из осколков потёртого дерева, заточённое в строгие рамки.

— Мне никогда не нравилась эта игра, — сказал тогда Фэн Ся, сидя прямо на полу напротив Бай Лао, — всегда было трудно сложить что-то, сложнее меча. Ты быстро учишься.

Бай Лао провёл пальцами по деревянному крылу. Отчего-то продолжать ему не хотелось. Привычный один шичэнь почти подходил к концу и нужно было собираться уходить, но неожиданно скрипнула дверь и на пороге показался тот, кого Бай Лао до сих пор немного побаивался.

— Эй, Ся-гэ, не спишь? — Фэн Су прокрался в покои и, воровато оглядев коридор, прежде, чем закрыть дверь, снова зашептал. — Скоро смена стражи. Как смотришь на то, чтобы улизнуть у них из-под носа? Повеселимся на ночном рынке, выпьем фруктового вина! Твоя рука же почти...

И тут лицо его скривилось. Когда он наконец заметил Бай Лао, неконтролируемое отвращение отразилось в оскале его губ. Бай Лао нечасто сталкивался с первым молодым господином и каждый раз стремился скрыться до того, как будет замечен. Холодок неприятных воспоминаний скользнул вдоль позвоночника и Бай Лао вздрогнул — в отличие от Фэн Ся, его младший брат был куда вспыльчивее.

— Что здесь делает это лисье отродье?! — Тут же забыв о всякой скрытности, Фэн Су закричал так громко, что эхо его голоса наверняка без проблем долетело до стражников прямо через запахнутое окно. — Я-то и думаю, что случилось с моим братом, что он теперь каждый вечер торчит в дворцовых покоях, куда его раньше кнутом не загонишь! А он здесь с демоном в игры играет! Гэгэ, ты лишился рассудка? Мы таких, как он убивать должны!

Каждое слово звучало пощёной. Во рту разлилось что-то горькое. И если в первую встречу с Фэн Су Бай Лао шипел и скалился, то сейчас отчего-то не мог вымолвить и слова.

— Посмотри на него, Су-эр. Успокойся и посмотри. Он обычный ребёнок, одинокий и брошенный. Каким я сам был когда-то. Ты, может, и видишь в нём демона, но я не могу.

Бай Лао сидел, не смея поднять головы. Фэн Ся защищал его. Не так, как в день той кровавой резни. И это было так странно. Это совсем никуда не укладывалось.

Фэн Су злобно рассмеялся.

— Не видишь демона? Забыл, откуда ты его притащил? Лисий выродок! Должно быть уже тогда он тебя и околдовал. Нужно было вспороть ему глотку также, как всему его племени.

Взгляд Фэн Ся потемнел. Бархат голоса обратился в сталь.

— Его вины нет в том, кем была его мать.

Казалось даже горящие свечи в тот момент задрожали, зашипело пламя на фитилях, тени уродливыми паучьими лапами расползлись по стенам.

— Ты говоришь о нём или о себе?

Фэн Су любил своего брата. Любил сильнее, кого бы то ни было. Но вспыльчивость, перенятая от отца часто играла с ним злые шутки. Фэн Су был наследником, которого не уважали; был сыном, которого не любили и был братом, которого не ожидали, но всегда защищали. И он был очень одинок в своём несчастье, о котором никто не догадывался. Когда-то Фэн У забрал у него материнское тепло, заменив его жёстким воспитанием, и он с ужасом думал о том дне, когда отец отнимет у него и брата. Но кто бы мог подумать, что совсем не отец станет тому причиной?

— Уходи, Су-эр. Ты не в себе.

И в тот вечер хрупкий мир за дверями покоев рухнул. И тишина скользнула в эти запахнутые двери, исчезнув навсегда.

На шум сбежалась стража.

А за ними, пылая гневным взглядом, стоял сам князь.

Комментарии и примечания:

[1] Цзинши — 靜室, jìngshì, «Тихая комната» — буквально это уединённые личные покои, представляющие из себя отдельное здание с одной большой комнатой, разделённой на зоны ширмами

[2] Хай-ши (час свиньи: 21:00-23:00) — в древнем Китае сутки делились на 12 двухчасовых отрезков (шичэнь), названных в честь животных китайского зодиака. каждый отрезок времени был тесно связан с традиционной медициной и время, в которое Цин Юань посещает дворец выбрано не случайно. Час свиньи — это время активности меридиана трех обогревателей. Время тишины и покоя. Природа и человек должны прибывать в тишине и спокойствии. В это время Инь энергия достигает своего наивысшего состояния, начинает снижение. Ян энергия пустая, начинает свой рост. В секторе «хай-ши» необходимо завершать дела, успокаиваться — что и требуется князю, страдающему от отклонения ци.

[3] Танграм — это китайская головоломка из 7 плоских фигур (танов — 2 больших треугольника, 1 средний, 2 маленьких, квадрат и параллелограмм), из которых нужно собирать изображения (людей, животных, предметов, букв или цифр) по схемам. Главные правила: использовать все 7 элементов и не накладывать их друг на друга. Игра развивает пространственное мышление и воображение у детей и взрослых.

<http://bllate.org/book/14934/1342966>